

Песнь Ночных трав

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Автор: Элисо Дамаскина

18+

Элисо Дамаскина

Песнь ночных трав

<https://litres.ru/74659277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не видела мира, но чувствовала его каждой клеточкой: холод льда, тепло солнца, дыхание ветра. А он, Северный Ветер, был вечным странником, знавшим все дороги неба, но не знавшим, что такое дом. Их встреча случилась в забытом краю, где время текло иначе, а слова имели вес камня. Любовь их была тихой, как первый снег, и такой же неизбежной. Но в те времена, которых нет даже в Ведах, тишина была роскошью. Война надвигалась, стирая границы между племенами и стихиями, и Северный Ветер должен был сделать невозможное: остаться рядом и при этом не разрушить хрупкий мир своей возлюбленной.

Элисо Дамаскина

Песнь ночных трав

Глава 1

«Песнь ночных трав»

Амелия шла через лес звёздной ночью. Лунный свет пробивался сквозь густую крону, рисуя на земле причудливые узоры из света и тени. Где-то вдали ухала сова, ночная прохлада проникала к самой коже, а воздух был пропитан древней магией: он нёс ароматы хвои, влажной земли и первых весенних цветов.

Ночные мотыльки порхали между деревьями, и, словно заблудившиеся звёзды, чуть выше, у самой кроны, мелькали светлячки. Тишину и молчание прерывали сверчки: их стрекот раздавался эхом — то разгораясь, как поленья в костре, то потухая, ожидая, когда ветер раздует огонь.

Девушка была невысокой, с тонкими чертами лица и длинными серебристо-пепельными волосами, которые струились по спине, переливаясь в лунном свете. Её глаза, большие, как лесные озёра, горели зелёным, проникая в самые тайные уголки леса. Лёгкое льняное платье с вышитыми травами и звёздами рассказывало её историю, рассказывало о том, как близка она была к этому миру: она слышала боль-

ше, чем обычный гость леса. Амелия слышала, о чём говорят деревья...

Все, кто знал её в маленькой деревушке, считали странной. С самого детства она отличалась от других. Боялась поднять глаза и случайно столкнуться с кем-то взглядом, ведь глаза — это зеркало души, и по ним сразу становилось понятно, что она не такая, как обычные люди. Для обычных людей её взгляд всегда казался пугающим и отстранённым: она прислушивалась к чему-то невидимому для остальных — шёпоту ветра, голосам цветов, трав, рек, камня у старого ручья.

Амелия была способной больше, чем другие: она была медиумом. Этот дар проявлялся во всём, что окружало её. Вся природа для неё была единственным другом, верным соратником, заботливой матерью и отцом, ведь у девочки не было родителей: её вырастила родная сестра. Родители погибли в войне, которая ещё не раз проникнет в мир Амелии.

Могучие дубы делились воспоминаниями о прошедших веках, берёзы напевали колыбельные матерей, что качали своих детей под их прохладной тенью, а ивы шептали печальные истории о любви, о тех, кто приходил когда-то плакать у их корней. Травы тоже могли разговаривать. Они не были настолько мудры, как деревья и звёзды, и всего, чего могли достичь в этом мире, Амелия видела своими глазами, но травы тоже говорили с ней: мята рассказывала о летних грозах, о том, в какое время её собрать, чтобы она лечила

тяжёлые мысли; полынь предохраняла от опасностей и защищала от демонов; клевер делился секретами удачи и зелий, что придают сил и радуют.

Духи и песни наполняли мир Амелии не так, как показывают в страшных сказках. Они совсем не пугали её, а были частью мира, который большинство людей не хотели замечать. Лёгкие, как дымка, хранители леса прыгали между корнями деревьев; водяные духи смеялись и брызгались в холодных ручьях; а древние стражи камней молча наблюдали за путниками. Амелия умела говорить с ними, слушать их истории и иногда — помогать, но больше они помогали ей быть не одинокой сиротой, а хранительницей леса.

В её памяти хранились предания, которые были старше первых записей людей. Возможно, даже старше, чем зарождение жизни, ведь сама земля могла рассказать ей всё, что она пожелает; сам океан мог поведать о глубинах, которые он охраняет от любопытных глаз обывателей. Амелия уже знала, как первые охотники просили у леса дозволения на добычу, как древние племена танцевали под звёздами, взывая к силам природы, как когда-то люди и духи жили в гармонии, а границы между мирами были тоньше. Легенды о деревьях, что могли стать душой, реках-целительницах и ветрах-вестниках, первом огне и разрушениях, что он мог принести для людей...

Эти истории — не сказки и мифы. Это старый мир, дыхание ветра, шелест листьев и ритм земли. Амелия знала: хра-

нить эти знания важно, но передавать их ещё важнее, чтобы связь между человеком и природой никогда не прервалась, несмотря на все козни злых сил.

Стоило Амелии ступить в лес, звери не разбегались, а замирали, разглядывая её с любопытством. Ради этого хищники не охотились на свою добычу, а устраивали перемирие, чтобы запомнить человека, который слышит природу: ведь на веку всех этих зверей они ни разу не встречали таких людей. Птицы садились на ветки рядом, словно желая что-то рассказать. А деревья, казалось, склоняли ветви чуть ниже, чтобы ей было легче услышать их шёпот.

Босиком, шаг за шагом, она продвигалась вперёд. Лес начинал редеть, а затем и вовсе расступился, открывая бескрайний океан. Волны словно молчали, лишь изредка, покачиваясь, касались белоснежного песка. Мерцание звёзд отражалось в океане, а солёный ветер хозяйничал в волосах Амелии, изредка играясь и закрывая ей лицо. Он нашёптывал что-то на древнем языке стихий и желал, чтобы его историю узнали. Девушка глубоко вдохнула, вздрогнув: она почувствовала, как напряжение покидает её, а душа наполняется благостью.

«Как же прекрасно, — вслух сказала Амелия. Луна отражалась в воде, как дорога в звёздное небо. — Будто сама вечность открыла мне свои объятия...»

У кромки леса, где корни старого дерева переплетались с прибрежным песком, её ожидал великий учитель. Это было

древнее дерево с густой кроной, усыпанной лечебными травами: лавандой с её успокаивающим ароматом, зверобоем, что отгоняет тёмные силы, и тысячелистником, дарующим исцеление. Его кора была испещрена узорами, напоминающими руны: они то едва заметно мерцали, то затухали, словно каждый вдох и выдох служил им энергией. Листья мягко отражали свет — не ярко, а так, будто в них теплилась собственная внутренняя жизнь, древняя, неторопливая, бессмертная по человеческим меркам.

— Ты пришла в нужный час, — прошелестели листья, и голос дерева прозвучал низким бархатистым баритоном. — Я расскажу тебе историю, что каждый день мне напевает южный ветер — Нот.

— Ветра есть разные?

— Конечно, дитя. Их четыре брата, у каждого своё имя. Южный ветер, как я уже и сказал, зовут Нот, восточный — Эвр, западный — Зефир, а северный ветер, про который и будет мой рассказ, зовут Борей, а если точнее, люди называли его Бор.

— Но как люди узнали имя ветра?

— Об этом и будет моя история. Бор добавит, если я что-то неверно скажу, но позже тебе самой нужно выучить древние языки стихий, чтобы ты сама могла услышать их истории.

— Хорошо, дедушка, — ответила Амелия.

Девушка присела у ствола, закрыла глаза и приготовилась

слушать. В этот момент она ощутила тёплую энергию от макушки до кончиков пальцев на ногах и начала видеть образами с повествованием старого великого Дуба.

Амелия затаила дыхание, чувствуя, как история золотыми нитями прошлого начинает оживать вокруг неё — в шорохе листьев, дыхании ветра и океанских волнах. Вдруг стало тихо, и она переместилась в другое место всеми мыслями и духом.

— Я вижу её, — тихо сказала девушка. — Вижу слепую девочку на рынке. Как они могут избивать её камнями? Ей кто-нибудь поможет?

— Смотри, маленькая Амелия, что сделает Бор, — прошепестело дерево. — В нашем мире эту историю называли «Любовь бабочки».

— Почему бабочки? Это же живая девочка, и они бьют её камнями! Если бы я могла помочь...

— Это уже прошлое. Смотри, что будет дальше...

Глава 1. «Любовь бабочки»

Слепую девочку обижали на рынке местные дети из её деревни: ломали её дудочки для продажи и кидались камнями. Предводительницей всего была дочка старосты, деревенская красавица Ирем. Она приревновала слепую девочку к сыну кузнеца Сезарю, ведь тот восхищался её прекрасными работами и говорил, что у Лины золотые руки. От злости Ирем

подговорила местных детей и сказала, что девочка проклята, поэтому высшие силы забрали у неё глаза и её нужно прогнать из деревни, пока та не накликала на всех беду. Поэтому дети из её деревни сначала сломали её дудочки для продажи, а затем начали кидаться камнями.

Лина стояла, сжавшись, сжимая в руках остатки очередной сломанной дудочки — единственной вещи, что помогала ей хоть как-то зарабатывать на жизнь. Её лицо было мокрым от слёз, но она не кричала и не звала на помощь: самое страшное, что Лина привыкла к насмешкам и жестокости.

Один из детей не принял участия в издевательствах и побежал за помощью в дом к сыну кузнеца, Сезарю, рассказать, что происходит.

— Сезарь! Сезарь! Лину избивают камнями, сломали все её дудочки!

Сезарь молниеносно выбежал из хижины и побежал в сторону рынка. Он даже не успел толком проснуться от обеденного сна и накинул всю одежду на скорую руку.

В этот момент пролетающий северный ветер Бор увидел, как они издеваются над девочкой. Ему искренне стало жалко её: он ощутил её боль, словно свою собственную. Ветер взвыл от негодования, собрал всю свою силу и со всей мощи оттолкнул большой камень, что лежал неподалёку, напрямиком в сторону обидчиков.

Камень с грохотом покатился с холма, под которым Лина расстелила для продажи плед и уложила дудочки по зву-

чанию и размеру, и, разбившись на несколько частей, попал во всех шестерых ребят — каждому по кусочку. Поднялась пыль. Местные дети разбежались в испуге кто куда, не выстояв в неравном бою, они позабыли и про девочку, и про свои злые забавы.

Наступила тишина, нарушаемая лишь дыханием девочки и лёгким шелестом северного ветра. Бор, немного успокоившись, ласково коснулся её волос, погладил по плечу. Он не хотел разговаривать с девочкой, чтобы не пугать её, но Лина догадалась, что здесь кто-то есть.

— Это ты помог мне? — спросила она.

Ветер удивился и помедлил с ответом: он боялся разговаривать с человеком, ведь даже никогда не пробовал этого делать. Да и что он мог сказать, как мог поддержать слепого ребёнка, когда та даже не может постоять за себя без помощи других?

— Спасибо, северный ветер... — пробурчала Лина.

Бор не выдержал и удивился: как она поняла, что он пришёл с севера? Откуда смертной девушке было это знать? Поэтому он осмелился сказать:

— Как ты узнала, что я северный ветер?

— По тому, какой прохладой веет от тебя. По тому, как твой аромат рассказывает о древних льдинах: в нём слышится зимний снег и снежные вихри.

— Ты угадала, дитя. Но даже у северного ветра есть имя.

— И как тебя зовут?

— Борей.

— Борей, скажи мне, сколько городов и деревень ты пролетел, пока не достиг меня?

— Трудно посчитать. Ещё на заре я был на другом краю земли. Мне уже нужно продолжить свой путь, чтобы остужать землю.

Лина улыбнулась: впервые за долгое время на её лице появилась искренняя, светлая улыбка. Ей было всего 14 лет. Она была прекрасна, хоть и незряча. Тонкие запястья, пальцы такие красивые, что ветру хотелось пролететь ближе к её ладоням; белая кожа, чёрные как смоль волосы и прозрачные глаза, такие же прозрачные, как и сам ветер для нашего мира. Большие чёрные ресницы слегка дёрнулись от движения век, и Борей наконец смог думать чётче. Он загляделся на её необычную для человека красоту и задумался: отчего такая прекрасная девушка слепа?

— Спасибо тебе, Борей, — ещё раз прошептала она. — Ты мой спаситель.

— Не стоит благодарности, — отозвался ветер.

Он принял форму молодого мужчины, ведь раньше он тоже, когда-то был человеком, хоть и забыл об этом спустя долгие путешествия между новыми землями. Его называли северным ветром, потому что он был холоден, строг и безжалостен. Пролетая, он видел много смертей, но слабая слепая девочка заставила его сердце дрогнуть. Почему? Наверное, Бор и сам не мог понять. Впервые за два века он обернулся

в форму человека.

Чёрные волосы, точёные черты лица, небольшая борода на лице короткая как у молодого юноши, синие, как небо, глаза, длинные одежды из синего шёлка и вышитые рисунки на ней. Для деревушки Лины он совсем не подходил: если переводить на человеческий лад, он был настолько прекрасен, словно бог спустился с небес. Но Лина не видела удивления прохожих, да и не могла оценить его красоту. Она говорила с ним на равных, из-за этого Бор не мог остаться равнодушным: первый раз перед ним не преклонялись, не унижались, не просили о спасении. Он так хотел ощутить на ощупь эту волшебную людскую девушку, что дотронулся до её щеки рукой. Она была тёплая, горячая, обжигала дыханием и жизнью. Он напугался, что может причинить боль своей холодной рукой, и отступил на шаг от этой хрупкой и маленькой девочки.

— Не бойся. Мне не больно. Твоя рука такая прохладная и приятная в эту летнюю жару. Неужели ты можешь стать человеком?

— Да, я могу это сделать. Но для нас форма не имеет той ценности, что для людей. Вы судите по очертанию, весу, облику... А между тем незримое куда могущественнее явленного. Есть силы, лишённые формы, — они правят мирозданием, плетут узор бытия из невидимых нитей. Они древнее памяти вселенной, их имена стёрлись во времени, но именно их дыхание оживляет мир. Мысли человека — лишь отзвук

их воли: то, что ты видишь, чувствуешь, вкушаешь — всё это дары тех, кто был до начала времён...

Лина немного удивилась и слишком мило поморщила нос, что даже северного ветра заставило это улыбнуться. Она не дала ему чёткого ответа, лишь тихо сказала:

— Я как будто всегда знала...

Она наклонилась и на ощупь потрогала сломанные дудочки. Пальцы осторожно скользили по неровным краям разломов, по шероховатой поверхности ивы, запоминая повреждения. На её лице отразилось столько боли, словно раны были на ней. В памяти всплывали звуки каждой дудочки: самая маленькая пела высоким, чистым голосом, почти как жаворонок на рассвете; та, что средняя, — чуть ниже, словно ручей, бегущий по камешкам; а самая большая звучала мягко и грозно, будто далёкий гром раздавался в летнем небе.

Брови её нахмурились: всё теперь сломано, разбито на части...

Северный ветер никогда прежде не помогал людям, он лишь наблюдал — издалека, невидимо, свободно. Иногда он был более жалостлив и не давал замёрзнуть кошке, оказавшейся на улице, или слегка укрывал пледом, видя выброшенного ребёнка в корзинке на пороге, но Бор не считал, что это кого-то спасает. Ему казалось, что он делает это от скуки или однообразия своей жизни. Порой ему хотелось поучаствовать в истории, вспомнить, в какие времена он стал северным ветром. Но чем дольше Бор был ветром, тем холоднее

становилось его сердце, и он всё больше становился стихией.

Амелия не выдержала и, перебив древний дуб, спросила:

— Дедушка, а как вообще появился северный ветер и почему его зовут Борей?

Глава 2. Легенда о северном ветре

Древний дуб на мгновение затих, его ветви чуть дрогнули, а листья зашелестели, словно переговариваясь между собой. Затем он медленно, размеренно начал:

— Ох, Амелия, это история настолько старая... В те времена мир только зарождался: были боги, титаны, битвы, великие правители и, конечно, такие же великие воины...

Случилось это в те времена, когда я ещё был лишь семенем и не имел места и дома. Ветра не имели души, вокруг был хаос. Стихии не осознавали мир, они просто были. Земля могла гореть тысячи дней и ночей, солнце и луна встречались и днём, и ночью. И вот, когда первые боги победили титанов, один из них нашёл меня и посадил в это место. Он дал мне наказ помнить всё живое и мёртвое в мире, быть мудрым, и дал мне 465 тысяч лет жизни, наполнив своей духовной энергией. Он назвал меня Род, и до сих пор я служу верой и правдой, соединяя три мира. Но мы остановились на северном ветре, поэтому я, пожалуй, продолжу. Когда я был ещё маленьким ростком, от других деревьев я узнал о

воине... Великом воине по имени Борей. Его имя гремело от северных фьордов до южных степей. Не зная поражений — быстрый, как молния, сильный, как горный поток, мудрый в бою. Его меч никогда не знал страха, а сердце — сомнений. Но была у Бора одна слабость: он обожал свободу.

Боги не могли позволить остаться такому сильному человеку среди людей, но и богом делать его не хотели, ведь тогда их иерархия нарушится, снова начнётся хаос и борьба за власть: кто станет управлять материальным миром? Поэтому боги обратились к мудрой богине Гекате, что управляла прошлым, настоящим и будущим. Она явилась в обличье прекрасной девушки, когда Борей поднялся на самую высокую гору, покорив все земли, — на Пик Вечных Ветров. Там, где жили полуночные горы, он встретил её.

Девушка сказала ему:

— Ты хочешь летать, юноша? Я дам тебе эту силу, но знай: плата будет высока. Ты обретёшь свободу ветров, но потеряешь человеческую жизнь. Будешь вечным странником, не сможешь надолго задержаться в одном месте. Люди не будут почитать тебя как бога, они будут закрывать от тебя двери и ставни, но сила и могущество твоё будет больше, чем ты имеешь сейчас. Ты сможешь объять весь мир и навечно стать свободным от оков смерти, жизни, любви.

— Получается, богиня обманула его? — спросила Амелия.

— Геката защитила его, маленькое дитя. Ведь если бы она

не сделала его ветром, боги не оставили бы его в живых.

— Но почему боги такие жестокие?

— Амелия, боги лишь хранят порядок. И когда рождается большая сила, она становится большой ответственностью. Ведь смерть преследовала Борея: его обманывали императоры, чтобы иметь при себе сильного воина и полководца. Он сражался за свободу, но убивал невинных. Геката поступила мудро.

Геката подняла руки, протянула их высоко в небо и сказала:

— Мать Вселенной, прими его выбор!

Ветви древних деревьев склонились, реки замедлили бег, даже облака замерли в небе. Время остановилось, наблюдая за превращением.

Сначала он почувствовал, как тяжелеет тело: мышцы наливались силой, кости крепчали. Но затем всё начало меняться: плоть становилась легче, кровь вырвалась и кружила вокруг него, обратившись в потоки воздуха. Глаза стали видеть не только вблизи, но и за много миль — он ощутил мир целиком.

Когда превращение завершилось, от воина остался лишь силуэт, сотканный из потоков воздуха и лунного света. Он поднялся над землёй — не шагая, а скользя, не бегая, а паря.

Первое время Бор учился управлять новой силой. Он пробовал гнать облака, шелестеть листьями, поднимать волны,

проводя корабли и предупреждая людей о шторме.

Однажды он пролетал над деревней, в которой родился, и увидел свою мать. Бор соскучился быть простым наблюдателем. Он обратился человеком и пришёл в родной дом.

Конечно, мать узнала его, но он не мог надолго задержать-ся без движения в одном месте — это и было его проклятьем. Если бы он надолго остался в родной деревне, ураган унёс бы дома, сошли сели, прилетели грозовые тучи. Только два часа он мог задерживаться без последствий, сдерживая свою силу, которая была такой мощной, что причиняла ему боль, если он находился в человеческом теле.

— Получается, когда Бор разговаривает с Линой, ему больно?

— Да, Амелия. Но зачем ему становиться человеком? Лина и так слепая...

— А зачем люди хотят быть людьми? Чтобы любить, Амелия... А любовь слепа к страданиям.

И вот теперь, — проворчал дуб, — он встретил Лину. Впервые за века что-то коснулось его сердца — не как у ветра, а как когда-то, когда он был человеком. Возможно, её чистое сердце поможет ему найти новый путь...

Амелия слушала, медленно и глубоко вдыхая аромат морского ветра.

— А этот ветер — это Борей?

— Нет, дитя. Этот ветер — лишь отголосок Борея.

— Как это? — спросила Амелия, чтобы понять. — Дослу-

шай мою историю до конца...

— Хорошо, дедушка, больше не буду тебя перебивать...

И вот, — продолжил Род, — Борей смотрел на сломанные дудочки и мучился от боли в груди и силы ветра, спрятанной внутри...

Глава 3. Сломанная ива

Борей так давно не оценивал красоту человеческой природы, что для него не существовало симметрии линий или яркости красок. Но сейчас он вдруг осознал: эта девушка прекрасна. Не внешне — хотя в её движениях была особая грация слепого человека, привыкшего доверять ощущениям, запахам и звукам. Прекрасна была её душа — чистая, светлая, полная доброты, которую она несла даже после того, как с ней поступили жестоко.

В тот миг, когда Лина поблагодарила его, склонив голову, что-то изменилось. Бор принял форму, и вдруг он почувствовал странное ощущение: в висках застучало, будто кровь побежала быстрее. Он не понял, что это было: никогда прежде ничего подобного не испытывал. Он был в смятении.

«Что со мной?..» — пронеслось в его сознании.

Он прислушался к этому новому чувству. Оно было тёплым, тревожным, волнующим. Оно заставляло его хотеть быть рядом постоянно, каждую секунду смотреть на неловкие движения Лины, на дрожание рук, когда она перебирала дудочки. Он хотел защитить её от этого страшного мира, помогать не из прихоти и любопытства, а потому, что у него

не было сил оторваться от неё — словно магнитом его притягивало обратно.

Неужели...

«Я — грозный Северный ветер, веками гулявший по просторам, внушавший трепет морякам и путникам, тот, чьи порывы могли сломать деревья и сорвать крыши с домов... Неужели вот так просто, без борьбы, без сопротивления... влюбился?»

Эта мысль пронзила его, как самый холодный меч. Он замер, на мгновение остановив малейшее движение ветра, окружающего его, — даже листья перестали шелестеть.

«Влюбился...» — повторял он про себя, пробуя на вкус это слово. Оно было чужим, непривычным, но в то же время единственно верным.

Он набрался храбрости, собрался с мыслями и назначил встречу. Ему нужно было разобраться, в чём дело. Но быть с девушкой он мог лишь два часа, не обогнув землю. Иначе он не сдержал бы внутри северный ветер, не причинив вреда жителям деревни.

Бор посмотрел на Лину и тихо сказал:

— Я помогу тебе починить твои дудочки...

— Я их вырезала из веток ивы, — объяснила Лина. — У меня хороший слух, и я чувствую дерево руками...

Она немного всхлипнула — от этого у Борея защемило в сердце, и боль от ветров оказалась жалкой по сравнению с тем, как печально ему было от грусти Лины.

— Завтра утром я вновь буду здесь. Приходи к старой иве у реки. Я соберу для тебя самые лучшие ветки — лёгкие, звонкие, послушные рукам. И буду шептать тебе мелодии, которые ты сможешь сыграть для целого мира.

Глаза девочки, хоть и незрячие, засветились от радости.

— Правда? Ты сделаешь это для меня?

— Конечно, — ласково ответил Бор и поцеловал Лину в горячую щёку. Он совершенно не подумал — он сделал это. И девушка наполнилась краской.

Только потом Борей вспомнил, что она для него практически ребёнок. Ему стало стыдно. Он зарёкся, что больше так не поступит: она ещё слишком молодая, чтобы понять его поступок, чтобы... О чём он вообще думал? Он не мог привести мысли в порядок рядом с Линой.

— Я приду завтра. Обязательно, Лина.

Борей превратился обратно в ветер, ласково взъерошил её волосы, обдал свежим морозным дыханием и тихо умчался вдаль, обещая вернуться утром.

Лина стояла, улыбаясь, чувствуя на своей щеке прохладный поцелуй Борея. Её сердце наполнилось теплом.

«Я буду рядом», — беззвучно пообещал он. — «Не только завтра у старой ивы. Всегда...»

Он поднимался всё выше и выше — так далеко никогда ещё не залетал Борей, так далеко, что богиня Луны Гека-та увидела его вблизи, так далеко, что это был уже космос, звёздный сонм... Место богов.

— Стой, Борея! — вскрикнула богиня. — Вернись! Твоё место на земле!

Геката напугалась: Борея взлетел так высоко, он сам на себя не был похож.

Спускаясь немного ниже, он превратился обратно в человека прямо в воздухе и отпустил от себя ветер. Он думал: если ощутит свободное падение, то испытает страх, то поймёт, что это тело дало такие ощущения, что это не он сам. Это не любовь...

Он падал над океаном и в самый последний момент остановился. Постоял на мягких волнах и решил, что ему нужно привыкнуть и потренироваться быть в теле, чтобы лучше можно было сдерживать ветер и силу, бушующую внутри него, чтобы он мог не испытывать столько боли от этой мощи и уметь управлять ветром на расстоянии. Отсылать ветер от себя без него самого. Разделять ветер и себя мыслью.

Когда боги дали такую силу Борею, они даже не задумались, что он сможет догадаться и разделить себя на две части: человеческую и стихию. Раньше ветер служил миру и без него, но он не имел личности, а имел сознание множества душ. Его создали из душ, которые не могли найти покоя после великих битв и страданий. И тогда он сказал им:

— Я дарю вам свободу на ваше усмотрение, но сохраняйте порядок: разносите дожди в засушливые места, помогайте рекам достичь океана, не давайте титанам выбраться из льдов, остужайте холодные фьорды. И тогда я поделюсь с

вами всем, что увижу, услышу и почувствую.

— Мы согласны, — молвили души и отпустили Борея.

На рассвете он вошёл в деревню девушки как человек — на двух ногах, без боли в теле от ветров. Шаг за шагом, осторожно, будто заново учился ходить. Земля под ногами казалась одновременно знакомой и чужой: он помнил её из прошлой жизни, но за века странствий ветер забыл, каково это — ощущать твёрдость почвы, слышать, как хрустит сухая веточка под ногами.

Ему нужна была одежда: его слишком смущало быть завёрнутым в одно белое полотно ткани, сотканное из нитей ветра и эфира. Да, Борея стал человеком, но силы у него никто не забирал — он ею владел. Одной из душ ветра он велел принести ему одежду, та с радостью выполнила его просьбу. Меньше секунды прошло после указания, как она уже принесла хозяину сапоги, рубашку, брюки и даже меч.

Все они хотели знать, что почувствует их хозяин, что он сделает, как он проживёт человеком и сколько он сможет им быть. Пока души выполняли свою работу в разных местах мира, ни один бог не заподозрил, что Борея перестал делать свою работу, которой был проклят.

Борея сел у старой ивы. Жаворонки щебетали в вышине, их песни переплетались с шорохом листьев. Рассвет так тепло согревал его тело, которое давно не знало таких ощу-

ний, что Бор то и дело вздрагивал от каждого нового, что обнаруживал. Мурашки бегали по телу — всё дышало, всё было таким живым, тёплым.

Он закрыл глаза и вдохнул полной грудью: запах свежей травы, прелой листвы, тумана над рассветной рекой — всё это обрушилось на него волной ощущений.

Он забыл, каково это — трогать руками кору дерева. Пальцы дрогнули, коснулись шершавой поверхности. Тактильные ощущения были настолько яркими, что на мгновение перехватило дыхание. Он провёл ладонью вдоль ствола — ощутил каждую неровность, каждый изгиб, каждый рубец времени на коре простой ивы, мимо которой он пролетал веками.

Борей забыл, как это — вдыхать аромат утренней росы и туманов, а не разносить его ветром... Он забыл останавливаться и прислушиваться к мелочам: стрекоту кузнечика, видеть глазами не половину мира с высоты, а только то, чего ему хотелось коснуться... Коснуться?

Он вспомнил нежность кожи Лины, её горячее дыхание рядом с ним, её фарфоровый цвет лица. Он остановился, резко убрал руку с ивы и покраснел, закрыл лицо руками. Его смутили новые чувства, он не знал, что ему делать. Разве он не был слишком древним существом? Почему ветер влюбился, как юноша? Почему он краснеет даже от мысли о любимой девушке?

Сердце застучало быстрее, отзываясь на его эмоции. Бо-

рей согнулся от неожиданного прилива чувств, которых не мог контролировать.

«Как я её встречу? Что ей скажу?» — сотни мыслей роились, как трудолюбивые пчёлы, в голове. За века вокруг света он не знал столько мыслей, как сегодня.

— Как же это... больно. Любовь больше тысячи ветров, — прошептал он. Его собственный голос прозвучал для него непривычно: не как гул ветра в ущельях, а как человеческий, тёплый, живой.

Он поднял руку и посмотрел на неё: пальцы, ладонь, вены, выступающие под кожей. Почувствовал, как кровь течёт по жилам, как дышит грудь, как щекочут волосы на затылке от лёгких порывов его слуг.

В этот момент он понял, что боится потерять Лину, боится её неодобрения, боится представить её злой или обиженной, боится потерять её навсегда, боится её смерти.

Где-то совсем рядом, за поворотом тропинки, послышались шаги. Лёгкие, осторожные — Лина шла вдоль реки, прислушиваясь к миру вокруг. Бор замер, боясь спугнуть мгновение, но в душе его расцвела надежда: возможно, именно она поможет ему найти баланс — быть и ветром, и человеком, соединив две ипостаси в одной судьбе.

Он снова сделал глубокий вдох, улыбнулся и встал, готовый сделать первый шаг навстречу новой жизни — той, где

любовь и свобода больше не противоречат друг другу.

Лина так уверенно шла по узкой тропинке вдалеке, что Борей забыл о том, что она незрячая. Он суетился: поправлял волосы и одежду, даже обнюхал себя, думая, понравится ли ей его запах. Борей источал аромат океана и волн, свежести и морозного ветра с оттенками мяты.

Вдруг за Линой появился силуэт. Это был мужчина... нет, молодой юноша. Борей нервно заходил рядом с ивой: что он тут делает? Почему с Линой? А главное — кто это?

Вчера вечером, когда Борей и Лина встретились...

— Сезарь! Сезарь! Лину избивают камнями, сломали все её дудочки!

Сезарь молниеносно выбежал из хижины и побежал в сторону рынка. Он даже не успел толком проснуться от обеденного сна и накинул всю одежду на скорую руку.

Сезарь наблюдал вчера, как молодой мужчина утешал Лину после того, как жестокие деревенские дети сломали все её дудочки. Мужчина выглядел на 28 лет: статный, с пронзительным взглядом и спокойной уверенностью. Зависть и ревность сковали Сезаря, и он не мог ступить и шага ближе. Издалека он наблюдал за их разговором. Он завидовал, что тот мужчина успел в нужный момент, а он... он стоял и просто смотрел. Что ещё было делать?

Сезарь был старше Лины всего на два года и давно в неё

влюблён. Куда уж там понять юноше, что судьба вмешается в его планы. Как он мог понять, что его соперник в любви — великий северный ветер Борей? Юноша решил, что это прохожий, проявивший доброту и заступившийся за беззащитную девушку.

Сезарь лишь на миг отвернулся, чтобы уточнить у Роби, кто из местных ребят обижал Лину, но Роби не хотел говорить, что за нападением стояла Ирем: её все боялись. Ирем обладала настоящей властью в деревне — не формальной, а той, что рождается из уважения и страха одновременно. Люди знали: если попадёшь под горячую руку Ирем, последствия могут быть серьёзными. Поэтому Роби лишь пожал плечами, избегая смотреть Сезарю в глаза.

— Хорошо, — твёрдо ответил Сезарь, стараясь не выдать раздражения. — Я и без тебя это выясню.

Стоило снова поднять глаза на Лину, как он не увидел таинственного незнакомца: тот словно растворился в воздухе. Сезарь нахмурился, пытаясь понять, куда мог так быстро уйти прохожий, но, посмотрев по сторонам, никого похожего не увидел.

Лина уже поднимала с земли обломки своих дудочек, аккуратно складывая их в корзину.

— Лина, — мягко позвал он. — Давай я помогу.

Девочка вздрогнула, но, узнав голос Сезаря, слегка расслабилась.

— Спасибо, Сезарь, — тихо ответила она. — Но тут мало

что можно сделать...

Сезарь опустился рядом, осторожно беря в руки обломки. Он долго расспрашивал, что произошло, кто сломал дудочки, почему она сразу не послала за ним, как появился тот мужчина. Лина рассказывала неохотно, стараясь и вовсе опускать детали произошедших событий.

— Он сказал, что путешественник, — объяснила она. — Обещал помочь собрать нужные ветви ивы для новых дудочек.

Конечно, Лина не созналась, что это был северный ветер. Да и кто поверит в такое? Скорее её сочтут не только слепой, но и ведьмой, раз она разговаривает даже с ветром. Она лишь нервно крутила локон чёрных как смоль волос, и румянец от лёгкого прикосновения Борея до сих пор не прошёл с её щёк.

Любой любящий мужчина заметил бы, что что-то не так. Сезарь внимательно посмотрел на неё. В её голосе, в том, как она говорила о незнакомце, ему показалось странным определённо всё. Он счёл очень подозрительным, что Лина собирается встретиться с этим человеком одна.

— Ты уверена, что можно ему доверять? — осторожно спросил юноша. — Ты ведь даже не знаешь его толком.

Лина подняла лицо — хотя она не видела Сезаря, взгляд её казался удивительно проницательным.

— Я чувствую, что ему можно доверять, — уверенно сказала она. — В нём нет лжи. Он... он словно часть чего-то большого и доброго.

Сезарь вздохнул. Он хотел защитить Лину: сердце сжималось от мысли, что с ней может случиться что-то плохое. Но он видел, как светится её лицо, когда она говорит об этом незнакомце, и не решился настаивать.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Но тогда давай пойдём вместе утром. Я помогу тебе собрать ветки и познакомлюсь с тем мужчиной. Как ты сказала, его зовут?

Лина на мгновение задумалась, потом мягко улыбнулась: — Борея...

Юноша сдерживал чувства, чтобы не дотронуться до руки Лины. Внутри от сердца по всему телу разливалось тепло. Он аккуратно помог Лине собрать последние обломки, сложил их в корзину и проводил девушку до дома. По дороге они почти не разговаривали, но Сезарь шёл рядом, время от времени беря Лину за руку, чтобы помочь обойти неровность тропинки или перешагнуть через корень дерева.

В душе его боролись два чувства: тревога за Лину и странное горьковатое ощущение, от которого просыпалась злость, что он её теряет. Сезарь твёрдо решил: он будет рядом на всякий случай, чтобы защитить её, спасти и забрать от этого незнакомца — Борея! Одна лишь мысль была в его голове: «Она моя...»

Сезарь подарил Лине с утра венок, сплетённый из солнечных одуванчиков, синих васильков и гибких ивовых прутьев. Он осторожно положил его на голову девочки и тихо произнёс:

— Пусть он оберегает тебя сегодня, Лина.

Лина улыбнулась, провела пальцами по цветам, узнавая каждый:

— Одуванчики... васильки... и ива? Ты так старался, Сесарь! Спасибо тебе.

— Я хочу быть рядом, — серьёзно сказал юноша. — И пойти с тобой к старой иве.

Лина на мгновение замерла. Она помнила обещание Бора — встретиться у дерева на рассвете, услышать его шёпот, почувствовать, как он направляет её руки. Но и отказать Сесарю она не могла: в его голосе звучала такая искренняя забота.

— Хорошо, — мягко согласилась она. — Пойдём вместе.

Они двинулись по тропинке к реке. Лина шла уверенно: она знала родные места наизусть, помнила каждую ямку, каждый изгиб тропинки, каждый ручей, что пересекал путь. Её шаги были лёгкими и точными, а Сесарь, хоть и старался идти наравне, всё равно время от времени брал её за руку — то помогая перешагнуть через корень, то предупреждая о неровной земле.

— Ты так хорошо ориентируешься, — восхищённо сказал он. — Я бы без тропы давно заблудился.

— Когда не видишь, — улыбнулась Лина, — учишься слушать мир. Вот, слышишь? Это ручей — он течёт быстрее обычного, значит, ночью был дождь. А вот здесь пахнет мятой — значит, мы уже близко к лугу.

Сезарь кивнул, хотя Лина этого не могла увидеть. В груди у него теснилось странное чувство: восхищение её силой и одновременно острая боль от того, что кто-то другой, незнакомец, смог так глубоко тронуть её душу.

Когда они подошли к старой иве, солнце уже поднялось над лесом. Дерево стояло величественно, раскинув ветви, словно обнимало всю долину. Лина остановилась, подняла лицо к кронам, вдыхая аромат листьев и коры.

— Он здесь, — тихо сказала она.